

Да здравствуют медведи!

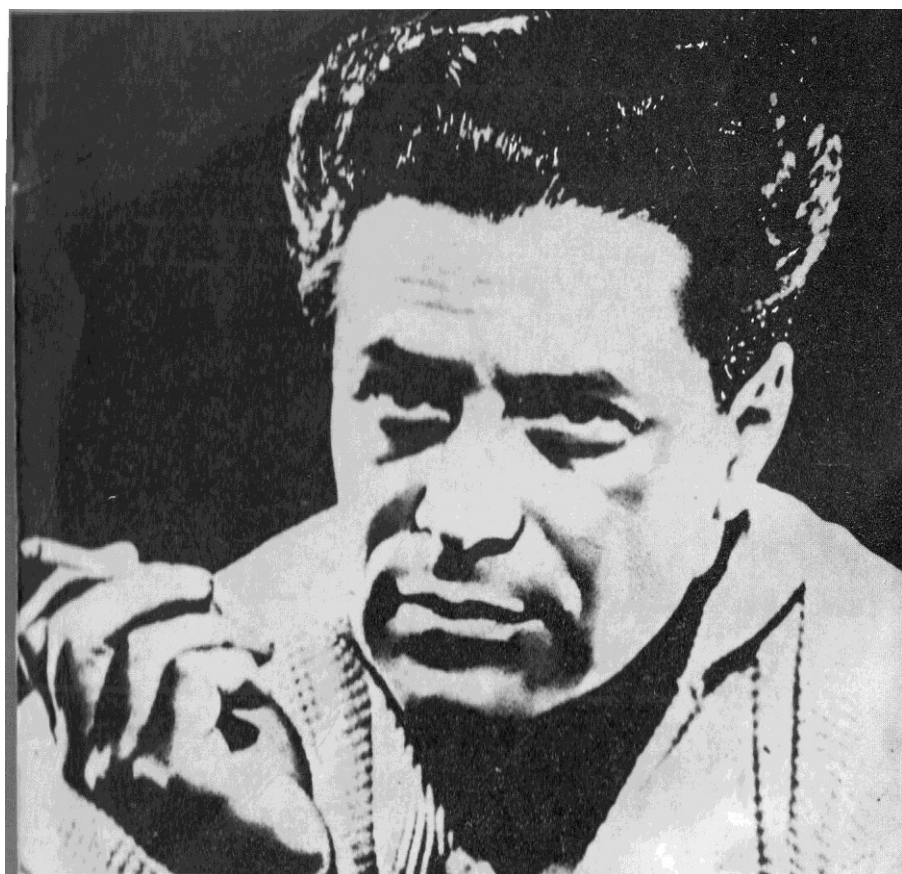
Радий
ФИШ

Радий
ФИШ

Да
здравствуют
медведи!

Радий
ФИШ

Да здравствуют медведи!

повести

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1983

В этой книге нет вымышленных персонажей. Ее автор — писатель, переводчик, ученый — был матросом, стоял за рулем в океане, работал в траловой команде, разделявал рыбу в трюмном цеху.

Вместе с героями книги мы пересечем Атлантику, пройдем Ла-Манш и Оркнейские острова, побываем в столице Ньюфаундленда Сент-Джонсе и в столице революционной Кубы, на острове Тринидад и в Мексиканском заливе. Мы узнаем немало интересного о незнакомой нам жизни, о людях, занятых пахотой моря вдали от родных берегов, услышим о событиях — обычных и необычайных, трагических и комических, из которых складывается напряженная жизнь и опасный труд моряков в океане, полярников во льдах.

Составленная из опубликованных в разные годы невыдуманных рассказов, книга для нового издания исправлена и дополнена автором.

Художник ДМИТРИЙ МУХИН

Валде Волковской

Да здравствуют медведи!

Павел Афанасьевич Гордиенко, начальник многих высокоширотных экспедиций «Север», рассказывал:

— Весной на зимовках держи ухо востро: одни по суткам молча лежат на койках, другие бродят как тени, ссорятся из-за ерунды. Начальник должен это знать и тут же принимать меры. Какие? Я вам лучше пример из практики приведу. Началось с кроссворда — разгадывали, разгадывали и поспорили. Слово за слово, взъелись скопом на биолога. Такой, мол, растакой, и дела не знаешь, и ученый липовый. Скажи вот, к примеру, сколько длится беременность у кенгуру? Тот назвал, а ему — на-ка выкуси! Трясут бородами, глаза злющие, дурные. Вижу, пора вмешаться. Ладно, говорю, заключайте при свидетелях пари, кто проиграет — пусть полбороды сбреет и так до самого дома ходит. А я берусь дать точный ответ. Идет? Идет, говорят, а как вы проверите? Беру бумажку, пишу радиogramму: «Москва. Директору зоопарка профессору Мантейфелю. Просим срочно сообщить продолжительность беременности кенгуру». И подпись: «Начальник высокоширотной экспедиции «Север». Гляжу, физиономии расплылись: представляют себе удивление профессора. Два дня только и разговоров, по несколько

раз к радистам бегают, нет ли ответов. Ответ пришел, но сперва от начальника Гидрометеослужбы: «Что у вас там стряслось?» Ребята веселятся пуще прежнего — небось начальство решило, что мы тут свихнулись. Отвечаю: «У нас все в порядке, ждем ответа Мантейфеля». Через неделю ответил. Оба спорщика ошиблись, но биолог совсем незначительно. Пришлось его противнику сбрить полбороды. Как войдет в кают-компанию, — сразу смех. Словом, напряжение разрядилось, а там и весна миновала. Только в самолете, когда возвращались домой, парень взмолился: разрешите, мол, вторую половину сбрить, в человеческом виде на Большую землю явиться. На радостях смиростивились, конечно...

Мы сидели на лавочке в самолете. Под крылом лежали ровные ледяные поля. Стремительно рвавшаяся к материку машина казалась неподвижно зависшей посредине белого круга. Ровно гудели моторы. На плите в кухонном отделении пофыркивал чайник. И, перекрывая шум моторов, отчаянно вопили в грузовом отделении непривычные даже для выдавших виды полярных авиаторов пассажиры:

* * *

Перед отправкой на Север я наслушался рассказов о полярном идиотизме. Такое, говорили мне, нападёт оцепенение, что не только с койки не встать, руки и то не поднять, чтоб побриться. Лежишь, и все в тебе словно снегом замело, — ни чувств, ни мыслей. Разговоры, суэта всякая до того раздражает, что готов в глотку вцепиться тому, кто пытается вывести тебя из апатии. Называют это, дескать, белой болезнью, и подвержены ей, мол, одни мужчины. Особенно весной, особенно в мае, когда после долгой полярной ночи запахнет в воздухе талым снегом, солнце крутится круглые сутки, как ниткой привязано, снег слепит.

На комсомольско-молодежную дрейфующую станцию Северный полюс-19 мы прибыли именно в мае, но ни у одного из двадцати зимовщиков ничего похожего на признаки белой болезни не обнаружили, хотя провели вместе почти полмесяца, продрейфовав тридцать с лишним морских миль. А ведь за полярную зиму ребя-

там досталось столько, что хватило бы не на одну зимовку.

— Сочли необходимым гарантировать нас от всяких случайностей, — рассказывал Эдуард Саруханян, кандидат наук, океанолог, исполнявший на станции и обязанности главного «астролога». Кроме доктора и кока, у каждого из нас была не одна зимовка — на Диксоне, в Тикси, на островах Рудольфа и Голомянном, на Земле Франца-Иосифа, экспедиции в Мангазею, в Антарктиду, дрейфы на СП. Но даже нашему начальнику Артуру Чилингарову не было и тридцати, и потому нас полагали зелеными. Знаете, как бывает: пока не облысеешь да не поседеешь, ходи в коротких штанишках. Специально для нас выбрали не льдину, а целый остров: шесть метров над уровнем океана, толщина льда — до пятидесяти, площадь — около пятисот квадратных километров. Большой кусок ледника, сползший в Ледовитый океан где-то с канадского берега и по оценочным подсчетам дрейфующий не одну сотню лет. Обосновывайтесь, ребятки, и живите спокойненько — ничего, мол, с вами тут не случится.

Случилось, однако, то, чего не было в мировой практике дрейфующих станций. Сразу после Нового года лагерь разбудили громовые удары. Толща льда сотрясалась, как при землетрясении. Выскочив в звездную ночь, полярники при свете фонарей увидели расходившиеся на глазах трещины. За одной из них осталась собака; тоскливо заглядывая в бездну, скулила и никак не решалась одолеть полтора метра. Метеоролог Миша Евсеев, тишайший и скромнейший из всех, перелетел над шестиметровой бездной, схватил собаку на руки и по наброшенной лестнице успел перебраться назад. А удары продолжались. Пока передвигали щитовые домики, спасали имущество, один радист Валерий Кривошеин не выходил на лед — в его руках была готовая вот-вот порваться единственная ниточка связи с Большой землей. Оттуда справлялись о происходящем, консультировали, давали советы. Больше пока помочь было нечем — ночь, посадочная полоса разрушена.

Причину катастрофы установили довольно быстро — влекомый течением ледяной остров налетел на подводный хребет и раскололся на куски. Но размеры бедствия и степень опасности обнаружились, когда взошло солнце.

Почти все осколки острова перевернулись. Гордиенко, облетев район лагеря, радировал: «Вы родились в рубашке». Станция оказалась на краю самого крупного осколка, примерно с одну пятую острова. И центр тяжести этого осколка находился много ниже поверхности океана. Будь иначе, ни мужество, ни находчивость, ни опыт — ничего не спасло бы людей от гибели.

II

Их мы увидели на второй день, вернее сказать, вторые сутки: день был все тот же, он длится здесь полгода. Солнце заливало снега ровным рассеянным светом. Лагерь был пуст, как вымер. Очевидно, мы поднялись слишком рано. А может, слишком поздно. На Северном полюсе время наглядно демонстрирует свою относительность. Можешь жить, как тебе нравится: хочешь — по нью-йоркскому, хочешь — по гринвичскому, а хочешь — по владивостокскому — никакой разницы. По традиции, на дрейфующих станциях выбирают время, разнящееся с московским ровно на двенадцать часов.

Наши часы показывали шесть пополудни. Следовательно, по-здешнему было шесть утра. Все еще спали, только над кают-компанией курился легкий дымок. Видно, кок уже принялся за дело.

Слева от плотно закрытых дверей на стене кают-компании красовалась вырезанная из фанеры вывеска: крашенная в зеленый цвет пальма, лысая пиратская физиономия с черной повязкой на глазу, зеленый крокодил и крупная белая надпись: «Ресторан Остров Невезенья». Под пальмой на снегу лежал красавец пес, рядом белели бугорки наметенного снега. Но когда мы подошли поближе, бугорки зашевелились, и мы различили в них двух белоснежных медвежат, уткнувшихся носом в густую шерсть огромного пса. Вся троица, точно подгулявшие с вечера матросы, терпеливо дежурила у дверей, ожидая открытия ресторана. Это повторялось каждое утро.

Машка с Филькой, как окрестили медвежат зимовщики, прибыли сюда так же, как мы, — по воздуху. Но не из Тикси, а с острова Врангеля. Когда занялся полярный

день, их мать погибла, встретившись с человеком. И Гордиенко приказал доставить их на плавучий остров.

Здесь их приняли как родных. Первые заботы взял на себя кок Валя Дундуков. Ленинградский комсомол объявил на его должность специальный конкурс! Заведующий производством большого ленинградского ресторана Валентин Дундуков занял, правда, на этом конкурсе второе место — первое присудили девушке. Но что поделаешь, девушек на дрейфующий лед не берут. Валентин не жалел ни сил, ни времени, чтобы побаловать полярников такими редкими в Арктике блюдами, как пломбир с вареньем, цыплята табака, заливная рыба. Выращивал зеленый лук в привезенной по его настоянию земле. Среди всех этих забот нашлось у него время и для Машки с Филькой. Чуть не месяц выпаивал он их разбавленной сгущенкой из специально сооруженной соски. Потом приучил хлебать жидкую кашу с мясом. Не оставлял он их своим попечением и теперь, когда им минуло три месяца и они были признаны самостоятельными и равноправными участниками дрейфа.

* * *

Станция жила нормальной жизнью. Точно по часам выходили на лед к своим приборам метеорологи. По-сменно несли вахту радисты: передавали результаты наблюдений, принимали распоряжения и советы. Повсюду аэрологи в одни и те же часы запускали на тридцать километров в блеклое полярное небо зонды с аппаратурой, выписывающей в эфир влажность и температуру. Геофизики щупали радиоволнами ионосферу. Океанологи мерили глубину, брали пробы воды и грунта. Дважды в сутки Эдик Саруханян выбегал определяться по солнцу, высчитывал скорость дрейфа, количество пройденных миль. Доктор всем по очереди мерил давление, выслушивал и выстукивал. Сменялись дежурные по лагерю. В их обязанности входила и помощь коку на камбузе — мытье столов, мисок, плошек. И потому те, кто занимал эту должность, целые сутки именовались «нюшками». Механики разъезжали на тракторе, готовили в честь приближавшегося праздника парную

баню. Все вместе вырубали в толще белого пресного льда рядом с кают-компанией глубокую кладовую для мяса.

И во всех лагерных делах, подстегиваемые любопытством, непременно желали принять участие Машка с Филькой. Глаза у них были маленькие и подслеповатые. Но зато нюх — могучий. Он безошибочно привел их во время загрузки ледового погреба к самому краю четырехметровой ямы, хотя для нас мороженое да еще плотно завернутое в пластик мясо не пахло даже пластиком. Вытянув морды с черными носами, они заглядывали вниз, путались под ногами, мешая загрузке, и возбужденно рычали, когда их просили посторо- ниться.

Учуяв за километр запах морской воды, они галопом, да так, что задние лапы сливались с передними, — неслись ко вновь пробитой лунке. Когда, установив треножник с блоком, гляциологи принялись вытаскивать «кабанчика» — так Миша Сериков любовно называл многометровый керн льда, — медведи, словно помогая тащить, цеплялись зубами за мокрые унты, поднимались на задние лапы и хватали людей за поясные пряжки.

Запах водорода, надувавшего желтый резиновый зонд, заставлял их нестись со всех ног к месту старта — того и гляди разорвут в клочья резину.

Как-то утром мы увидели на белом, девственном снегу сотни мятых, изжеванных, рассыпанных спичечных коробков. Машка с Филькой изрядно потрудились. Пристрастие к спичкам за ними замечено было давно, и коробки в герметических пакетах были плотно обернуты брезентом, закопаны в снег, завалены ящиками. Но перед запахом серы медведи, очевидно, устоять не могли, хотя, наевшись ее, каждый раз жестоко мучились животами и жалобно выли.

— Сколько раз говорил: не жрать спички! — ворчал Геннадий Горбунов, пытаясь скормить им лекарство. — Я ведь не медвежий доктор, а человеческий.

Своевольные, упрямые, они причиняли массу хлопот. Но обладали таким чертовским обаянием, что сердиться на них было нельзя. Стоило появиться Машке с Филькой, и лица у всех добрели. С ними можно было поиграть — спрятаться за угол, побегать вокруг домика.

С деловитым хрюканьем они быстро догоняли убежавшего, а настигнув, так довольно урчали, так радостно разевали пасти — только что не смеялись. Их можно было приласкать — почесать между ушей, вытащить из шерсти примерзшую ледышку.

Лишь однажды пришлось обойтись с медведжатами непочтительно. В тот день океанологи решили пробить новую прорубь. Развлечения ради с ними увязалось еще человек десять. Спустились с острова, прошли метров шестьсот, выбрали место, заложили взрывчатку. Отбредли в сторону, подожгли шнур и залегли. Именно в этот момент Машке вздумалось отправиться вслед за дымком от шнура. Легкой трусцой она двинулась прямо на заряд. Попытались догнать — прибавила шагу. Кто-то встал у нее на пути, — она аккуратно его обожала и точно приняла заданное направление. До взрыва остались секунды, когда притаившийся в стороне Олег Смелков кинулся ей наперерез, настиг, сбил с ног тяжелым ударом унты и прижал телом ко льду.

Грохнул взрыв. Осколки перелетели через Олега с барахтавшейся под ним Машкой. Все обошлось.

Олег был мастером спорта, но и он сумел догнать Машку потому, что бежал ей наперерез. В унтах и ватном костюме трехмесячных медвежат, если они сами того не желают, не смог бы догнать и Борзов. Их вообще нельзя было заставить что-либо сделать против воли. Филька иногда еще поддавался уговорам. Но не Машка. Когда кок наливал ей кашу в большую банку из-под сельди, она погружала в нее морду — нос только торчал на поверхности — и тянула в себя жижу, грозным урчаньем пресекая любую попытку Фильки посягнуть на ее харч. Но, покончив со своей банкой, с таким же урчаньем направлялась к Филькиной и без зазрения совести окунала в нее морду.

Как-то ребята решили приготовить шашлык. Вымочили мясо, нажгли углей из ящиков, соорудили мангал и вынесли его на лед. Медведи не заставили себя ждать. Фильку с грехом пополам удалось отогнать, а Машка, отбиваясь лапами и зубами, прорвалась к огню. Ткнулась носом в шипящее мясо и взревела. «Так тебе! — огорчился кок. — Впредь неповадно будет». Минут двадцать Машка обиженно выла, потирая лапой черную кнопку носа. Но как только боль прошла, снова полезла

в огонь. И снова, взревев, забегала вокруг мангала. Когда шашлык поспел, она была готова к третьей попытке.

У белого медведя во льдах нет достойных противников. А человек появился здесь слишком недавно, чтобы его портрет, как знак опасности, закрепился в генетической памяти. Словом, Машка вела себя как наследница истинных хозяев Арктики.

Машка с Филькой действительно были здесь дома. Мы, чтобы выжить, невольно уподобились им — нацепили на безволосые ноги унты, похожие на медвежьи лапы, оделись в шкуры, но остались пришельцами из иного мира, где, кроме белого и голубого, были еще зеленый и желтый, тишина — лишь редкостной паузой среди гула, а в воздухе — такой коктейль из дыма, пыли, вони, который оглушил бы их куда сильнее, чем нас полярное безмолвие.

Людские игры быстро им надоели. Оглядываясь на ходу через плечо, словно приглашая последовать за ними, они убегали из лагеря далеко в торосы и затевали свои забавы: припадали к какой-нибудь ледяной глыбе, сливаясь со снежным покровом, выслеживали друг друга, кидались из засады, снова прятались, возились, попеременно меняясь ролями. То была извечная игра охотника и дичи.

Порой они надолго скрывались из глаз за горизонтом. Лагерь сразу как-то пустел. И Миша Судаков, механик, отвечая на невысказанный, но вертевшийся на языке вопрос, говорил: «Ничего, захотят жрать — вернутся».

И они возвращались. Иногда с другой стороны, но всегда вовремя — к обеду или к ужину. Наевшись, укладывались поудобней на лед и задремывали, уткнув носы в теплую, белую шерсть на Васькином животе.

Всем удался Василий — и шерстью, и ростом, и статью. Как многие красавцы, был он, однако, глуп. Механик Судаков в сердцах не раз грозился застрелить его за глупость. Но Васька был добряк, и доброта спасла его от смерти. Он дал сиротам то, чего им не могли дать люди. На льду медвежата замерзли бы во сне без живого тепла. И потому инстинкт не давал им уснуть без материнской груди, она была нужна им, как младенцу соска.

Прижавшись к Ваське, спрятав нос в его густой и тёплой шерсти, Машка с Филькой принимались ее мусолить, сосать, жевать. Довольно часто они причиняли Ваське боль, но он лишь предостерегающе ворчал. Когда же боль становилась нестерпимой он задавал им трепку. Повизжав и поскулив, близнецы замирали, ожидая, когда Василий уляжется на место. А потом миллиметр за миллиметром снова придвигались к его брюху и принимались за свое.

Роль кормящего отца была не только хлопотливой, но и небезопасной. Как-то в сильный мороз Машка с Филькой обсосали ему весь левый бок. И Василий схватил пневмонию. Еле его отходили.

Благодаря Василию признали Машку с Филькой за своих и все другие псы. И только Варнак терпеть их не мог. На то у него были свои причины. Старый пес с жесткой черной щеткой на крутом лбу и свалывшейся шерстью, он проделал больше зимовок, чем любой из участников дрейфа. И не раз встречался с медведями, так сказать, лицом к лицу. В одной из схваток они его сильно помяли. К перемене погоды он часто поскуливал во сне — ныли старые раны. Мудрый старый Варнак не мстил Фильке с Машкой за прежние обиды, не придирался. Но когда, заигравшись, они подбегали слишком близко предостерегал их негромким, но внушительным ворчаньем. Медвежий дух вызывал в нем отвращение, и он не скрывал его.

III

На СП-19 многое было впервые. Впервые дрейф был доверен молодежи. Впервые перевернулся обитаемый ледяной остров. Впервые в дрейфе участвовали медведи. И кажется, впервые на дрейфующем льду оказалась международная писательская бригада. Артур Чилингаров представил нас так: Слав Караславов (София, Болгария), Пауль Герберт Фрайер (Берлин, ГДР), Радий Фиш (Москва, Советский Союз). Мы участвовали в разных экспедициях — военных и мирных, воздушных и морских, в Африке и в Атлантике, но порознь: встретились мы впервые тоже на СП-19.

Ничто так не сближает, как общие слабости. В отли-

чие от зимовщиков, хорошо знавших, как опасен белый медведь в мае, когда он голоден, нами овладела одна пагубная, но неодолимая страсть — увидеть и запечатлеть на пленку встречу со взрослым хозяином Арктики. Меня с Паулем объединяло еще и пристрастие к точности: в котором часу с минутами, на какой глубине, какого веса. Слав больше полагался на память и воображение. Но стоило Паулю начать записи, как Слав тут же вытаскивал свой блокнот: «Подумаешь! Славяне тоже умеют грамоте!» Пауль не оставался в долгу. Со Славом меня роднила любовь поспать. И чуть не каждое утро Пауль сбрасывал нас с коек с воплем: «Медведи в лагере!» На лице его при этом был написан такой неподдельный восторг, что к трезвой действительности мы возвращались, лишь выскочив нагишом на мороз. Словом, мы быстро сдружились, чему нисколько не мешала здоровая профессиональная конкуренция.

Солнце между тем описывало по небу круг за кругом, а «белый хозяин» все не появлялся. Хоть бы нерпу увидеть. По рассказам полярников, нерпа — заядлый меломан: услышав музыку, непременно высунется послушать. Мы с Паулем раздобыли «Спидолу» и, уверенные в успехе, решили воспользоваться затянувшимся послеобеденным сном нашего болгарского коллеги. Обвешавшись кино-, фото- и радиоаппаратурой, мы тихонько выскользнули из лагеря и направились к дальней лунке.

Не успели мы пройти метров пятьдесят, как услышали крик:

— Стой!

Увязая в снегу, к нам бежал сам бородатый «коменданте» Артур Чилингаров.

— Вы что, сдурели? Не знаете: без разрешения выходить из лагеря запрещено! Да еще без собак и оружия? Вот накроет медведь, узнаете. Подойдет со стороны солнца — не слышен, не виден.

Артур снял с плеча карабин и протянул его мне. У меня обе руки были заняты. Я кивнул в сторону Пауля:

— Дай ему!

Рука Артура с винтовкой застыла в воздухе.

— Возьми же!

Это длилось какую-то долю секунды. А потом на-

валился стыд. Стыд и жалость к себе, ко всем нам. Будь она проклята...

Мы брели по бескрайним ледяным полям. Снег мягко поскрипывал под ногами. Впереди, деловито поводя носом, бежал Варнак. За ним с карабином через плечо тяжело переступал унтами пятидесятилетний немецкий писатель, за ним — я. Позади, гордо выпятив грудь, трусил красавец Василий.

Лунка курилась тонким дымком. Варнак улегся у края, прикрыл нос лапой и уставился на черную воду. Ни ветерка, ни шороха льдов. Пуст был и эфир. Лишь откуда-то из Канады еле слышно долетал до нас джаз, оттеняя совершенное, абсолютное безмолвие. Васька беспечно растянулся рядом с приемником.

Варнак приподнял морду, и я увидел их. Беззвучно, как белые тени, они подкрадывались к нам со стороны солнца. Все ближе, ближе. Пауль по-прежнему сидел на снегу. Подобравшись к нему, Филька встал на задние лапы, сорвал с него шапку и был таков. Машка припустилась вслед.

Сверкая на солнце голой головой, Пауль кинулся было за ними, но вскоре остановился, безнадежно опустил руки. Как только преследование прекратилось, Машка с Филькой, мотая мордами, принялись выдирать шапку друг у друга, валять ее по снегу, рвать зубами. Дело было нешуточное — до лагеря километра полтора, не меньше, мороз — градусов двадцать.

Я показал руками: попробуем их окружить. Старый солдат понял меня сразу. Приказав Варнаку оставаться на месте, мы разошлись подальше и стали обходить медведей с обеих сторон. Стоило хитрецам заметить наш маневр, как они тотчас же бросили шапку и помчались по направлению к видневшимся на горизонте торосам.

То ли музыка им пришлась не по вкусу, то ли радио наше играло слишком тихо, но нерпа в тот день так и не показалась.

После ужина я рассказал все Артуру, Славу и Паулю. Они слушали, кивали головами и удивлялись.

Утром девятого мая меня разбудил взволнованный голос:

— Медведь в лагере! Внимание, медведь в лагере!

Привыкнув к розыгрышам, я повернулся было на другой бок, но заливистый лай собак, похожие на выстрелы хлопки, грохот опрокинутой табуретки сбросили меня с койки. Сунув голые ноги в унты и схватив фотоаппарат, я кинулся к двери.

В тамбуре толпа — не протолкнешься. Да еще под ногами путается трусливо скулящий Васька.

Кто-то очертя голову бежит к кают-компании от соседнего домика. На крыше домика, припав к карабину, лежит Виталий Прохоров.

А шагах в двадцати, присев на задние лапы, скалятся, отбиваясь от собак, огромный белоснежный зверь. Варнак — шерсть дыбом — рыча насккивает на него, увертывается, пытается зайти со спины. Остальные собаки заходятся лаем на почтительном расстоянии. Медведь приближается к домику. Кто-то хватает со стены карабин.

— Не стрелять! — кричит Артур Чилингаров. И пускает прямо над головой медведя ракету.

Тот снова приседает на задние лапы и, оскалив клыки, оборачивается к нам.

Неизвестно где до сих пор пропадавший Филька выскакивает из-за угла кают-компаний. Не обращая внимания на крики, несется со всех ног к разъяренному зверю, вытягивает морду и доверчиво тычется ему в грудь.

Громадная лапа сбивает Фильку с ног. Прижимает ко льду. Клыки приближаются к Филькиной шее.

Гремит выстрел. Медведь встает во весь рост — в нем метра два, не меньше. Еще один выстрел. Взмахнув лапами, он валится спиной на лед.

Филька с воем бежит к нам, врывается в тамбур. Поднявшись на задние лапы, прижимается животом к стоящему в дверях Паулю и, неотрывно глядя ему в глаза, словно силясь рассказать о пережитом ужасе, жалуется: «Уа-уа, уа-уа».

— Какого красавца загубили! — вдруг говорит Эдик

Саруханян. Голос его дрожит.— Подняли панику, крик, ракеты. Презираю! Он бы и сам ушел.

— Прекрати! — обрывает его Артур.— Сам знаешь, выхода не было: или он, или Филька.

Филька все еще трясется всем телом, трет лапой помятое ухо, никак не успокоится.

Мы понемногу приходим в себя. Умываемся, бреемся, наряжаемся. Как-никак сегодня праздник.

Двадцать три человека выстраиваются в центре лагеря. Начинается праздничная демонстрация. Мы трижды обходим вокруг высокой мачты с алым государственным флагом, Филька с Машкой и все собаки, решив, что предстоит выход из лагеря, бегают следом за нами. И только Варнак неподвижно сидит над медведем, не в силах насытиться запахом поверженного врага.

Раздается залп из всех видов оружия. Летят ракеты. В воздух взмывают столбы снежной пыли, осколки льда, Подрывники заложили для салюта такое количество взрывчатки, что чуть было снова не раскололи остров.

Потом в кают-компанин был доклад парторга Воробьева. Мы с Паулем рассказывали о войне.

Нас прерывает оглушительный рев. Визбравшись на грудь кассет с кинофильмами, Машка просунула к нам в окошко свою морду и во всю мощь своей глотки дает нам понять, что давно наступило время перейти от торжественной части к обеду.

По предложению Пауля мы отправляем в берлинскую газету «Нойес Дойчланд» поздравления по случаю освобождения немецкого народа от фашизма. И садимся за стол.

В разгар обеда Артура вызывают на радиостанцию. Летчики, расставляющие неподалеку радиобуи, просят разрешения поздравить нас лично. Через двадцать минут прямо к кают-компанин подруливают на лыжах две юркие красные машины полярной авиации. В нашем полку прибыло. Артур дает команду: «Разбавить по широте». Это старая полярная традиция. Утром Эдик определил наши координаты: 77°53' северной широты. Значит, крепость спиртного в бутылках 77,5 процента.

Стоя мы поминаем погибших. Пьем за счастье живых. За дружбу.

А в 11 ночи начался самый необычный из виденных мною футбольных матчей. Не помню, кто с кем играл и какой был счет. Помню только, как Машка с Филькой, не подозревая о своей судьбе, с восторгом гонялись за мячом, хватали форвардов в момент удара за унты, яркое солнце, слепящий снег...

V

Мы улетали «последним бортом». Наступало лето, снег таял. Взлетная полоса уже была ненадежна. Следующий самолет должен был прилететь в сентябре.

А как же Машка с Филькой? Через три месяца это будут сильные, опасные звери. С ними и сейчас-то нет сладу...

Решение пришло неожиданно: передать всеобщих любимцев в дар братским столицам — Софии и Берлину. Так постановил коллектив. Ошеломленные щедрым даром, Пауль со Славом едва не поссорились. Каждому почему-то хотелось привезти домой не Машку, а Фильку. Только жребий мог установить опасность, угрожавшую дружбе представителей братских столиц.

С вечера сколотили из досок два больших ящика и утром, получив РДО о вылете самолета, стали усаживать в них медвежат. Те ревели что было мочи. От тоски — их впервые разлучили друг с другом. От негодования — впервые так грубо стеснили их свободу. Долго не удавалось заколотить последние доски. Только запихнут, глянь: опять торчит из ящика орущая морда. Как ваньки-встаньки.

Наконец погрузили ящики в сани. Взревел трактор, и вдоль вещей с флажками самого яркого в Арктике цвета — черного — мы проделали к взлетной полосе последний пятикилометровый путь по ледяному острову.

* * *

И вот мы сидим в самолете и под незатихающий рев уже охрипших медвежат беседуем с Павлом Афанасьевичем Гордиенко о белой болезни, о кенгуру, заочно избавившем от нее зимовщиков. И тут я наконец пони-

маю, отчего Гордиенко велел привезти Машку с Филькой на СП-19, хотя заботы о них с радостью взял бы на себя любой зоопарк,— звери эти нынче редкие и дорогие. Хитрец Гордиенко!

Я чуть было не сказал об этом ему самому, но, к счастью, удержался. Вовремя меня осенило. В самом деле, почему не терпящий шумихи и суеты, славящийся на всю Арктику непреклонностью Гордиенко, у которого и без того по горло забот, с охотой согласился пустить на Северный полюс еще и трех писателей сразу?..

* * *

Через два года, приехав в Берлин, я первым делом отправился на свиданье с Машкой. Главный зоопарк ГДР славится на всю Европу. Он разбит на громадной территории, животных стараются содержать в условиях, близких к свободе, и они дают здесь потомство, даже медведи, которых по-немецки называют не белыми, а полярными, что в неволе бывает редко.

Стоило мне сказать, что я хочу повидаться с Машкой, которую подарили русские полярники, как служитель без разговоров повел меня к ней, невзирая на грозные надписи «Вход воспрещен». Маша здесь — знаменитость. Ее фотографии печатались в газетах. Встречать ее приезжал сам обер-бургомистр столицы.

Честно говоря, я бы не узнал Машу в серьезной крупной медведице, которая, мягко ступая, ходила из угла в угол. Ожидая после кормежки своей очереди на выход в большую открытую вольеру с бассейнами.

Я тихо позвал:

— Маша! Маша!

Она подняла голову. Подошла к решетке. Сунула нос между прутьями.

Я протянул было руку, чтобы почесать ее между ушами,— она это очень любила. Но тут же отпрянул. В дальнем углу яростно взревел огромный медведь.

— Что поделать,— улыбнулся служитель.— Будущий супруг ревнует...

...Когда я вернулся в Москву, мне позвонил Эдик Са-
руханян. Он только что приехал из Болгарии, гостил у
Слава Караславова.

— Между прочим, видел в Софии Машку! Здрав-
ствует великолепно!

— Как Машку? Она ведь в Берлине.

— В Софии тоже Машка. Как видишь, медвежатни-
ками, брат, мы оказались никудышными.

Чакурдах — Москва

СО Д Е Р Ж А Н И Е

За окунем через океан	5
Иду с тралом	185
В поиске	291
25 пиратских голов с Тринидада	303
Как я был богом	327
Да здравствуют медведи!	351

Радий Геннадьевич Фиш

ДА ЗДРАВСТВУЮТ МЕДВЕДИ

М., «Советский писатель» 1983, 368 стр.

План выпуска 1983 г. № 149

Редактор *А. А. Елшина*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *Ю. Н. Чистякова*

Корректор *В. Е. Бораненкова*

ИБ № 3688

Сдано в набор 22.11.82. Подписано к печати 03.05.83.
А 04085 Формат 84×108 1/32 Бумага тип № 1. Ли-
тературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л.
19,32 Уч. изд. л. 20,08. Тираж 100 000 экз. Заказ № 820.
Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва,
ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполи-
графпрома при Государственном комитете СССР по
делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
г. Тула, проспект Ленина, 109

1 р. 30 к.

•Советский писатель•

